

Константин Томилов

Призвание

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Томилов

Призвание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67974848

SelfPub; 2022

Аннотация

Каждый родившийся на Земле человек: будет награждён за исполнение того дела к которому он призван Отцом Небесным или наказан за нежелание нести свой крест. Содержит нецензурную брань.

Константин Томилов

Призвание

Посвящается моему отцу Николаю.

"Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое"

(Псалом 90)

– Мальчик, откуда ты? – чуть поморщился молодой благообразный священник почуяв еле различимый в волнах праздничного благоухания, исходящий от отрока запах.

– С Гурунакских болот, отче, – весь скукожился от стыда ребёнок, – Вы почувствовали? Простите, ради Христа простите! Мама отговаривала меня идти сюда на Праздник, но я ее очень и очень просил. Она несколько раз искупала меня, и эту одежду мы у наших родственников одолжили, которые неподалёку отсюда живут..., а всё равно от меня пахнет..., простите!

Мальчик заплакал.

– Ну, ладно, ладно, малыш, – смягчился недавно покинувший стены "альма-матер", ещё не растерявший напитавшей его там духовности, не зачерствевший от придворной службы отец Димитриус, – Бог простит. А где твои родители? Ты

что, один здесь?

– Да, святой отче. Мой папа пошёл в наш храм, который возле того места где мы живём, а маму и мою тётю, её сестру, стражники сюда не пустили.

– А ты как же?

– Не знаю, отче, я когда заходил, то они меня не остановили, вот я и здесь! – с благоговением поднял взгляд ребёнок, ещё раз оглядывая купол кафедрального собора.

– Ну, ну, не отвлекайся, – с лёгкой брезгливостью прикоснулся к чистой, аккуратно причёсанной голове ребёнка молодой священник, – в чём каешься?

– Ох! Господи, Иисусе Христе! – тут же затараторил глядя на Евангелие мальчик, – прости меня, прости меня грешного! Знаю я, знаю и верю, что нельзя роптать, и нельзя завидовать, но ничего, ничего не могу с собой поделать! Всё время спрашиваю сам себя, и всех своих родных, и бабушку нашего прихода измучил своими вопросами: почему одни живут богато, сыто и радостно, а другие бедно, голодно и в сплошном горе? Ведь, как наш священник говорит, вся наша страна – христиане, а дети христовы должны любить друг друга? А какая же это любовь, если богатые грабят, унижают и презирают бедных? Мне много раз уже говорили, что это не моего ума дело, что надо смириться и жить, так, как Господь именно мне предназначтал. Я, из высказываний святых отцов, даже наизусть выучил: "всё что у меня есть, происходит по Воле Божьей, даётся мне во Благо и содействует

моему Спасению", твержу это про себя, твержу, а толку никакого. Прости меня, Господи!

– Ну, хорошо, хорошо, достаточно! – прервал Димитриус словесный "водопад", напуганный такими речами исходящими из уст семи-восьмилетнего ребёнка, живущего в предместье свинопасов.

Получивший Разрешение Грехов и Благословение на Причастие, мальчик широко улыбнувшись, посмотрев снизу вверх на священника, спросил:

– А правда, что сам митрополит со Святыми Дарами к народу выйдет?

– Да, конечно, – невольно улыбнулся в ответ племянник владыки.

– Точно?!

– Точнее некуда, можешь мне поверить, я это знаю наверняка, – кивнул головой Димитриус, незадолго до этого беседовавший с дядей.

– И может быть и я?! – задохнулся от невероятности предположения правнук "грязного раба", – может и мне посчастливится у него Причаститься?

– Кто знает? – пожал плечами священник, кивая головой следующему в очереди на исповедь, — *Пути Господни неисповедимы.*

– Ух, ты! – как искупнувшийся воробышек, встряхнулся всем своим тщедушным тельцем мальчик и исчез, растворился в многочисленной толпе.

– За что я тебе деньги плачу?! – раздался хлюпкий звук пощёчины. Шагнувший в келью к своему дяде Димитриус остановился на пороге. Не замечающий его прихода митрополит продолжал разгневанно метаться перед вытянувшимся во фронт верзилой, начальником охраны кафедрального собора:

– Куда твоя стража смотрит?! Куда ты сам смотрел набирая на работу таких олухов?! – вновь подбежал к тупо лупающему зенками главному охраннику дядя и залепил ему увесистую затрещину, от которой тот затрясся всеми своими жирными телесами, – как этот щенок, этот вонючий худой поросёнок проскочил внутрь храма? Да ещё и к Причастию затесался между высокородными детьми? Объясни мне, как?! Как такое могло получиться?

– Не знаю, Ваше Святейшество, – сокрушённо пожал широкими плечищами стражник, – он, когда Вы из врат вышли, прям ниоткуда среди приличных появился. Не вытаскивать же его было при всём честном народе. А потом, когда Вы мне знак подали, чтобы задержать его, я сам, с двумя своими "на перехват", а он, как только от Чаши отошёл, так как сквозь землю провалился. Да и не мудрено, он же совсем ещё мелкий, как клоп...

– Вот именно! – передёрнулся от отвращения митрополит, – мелкий и вонючий..., и наглец ещё такой! Без исповеди и благословения причастился!

– Дядя, – по свойски приблизился, вмешался в "разборку" Димитриус, – а почему Вы считаете, что он, этот мальчик, недостойно причастился?

– Так, а кто бы посмел?! Я всех предупредил, чтобы не смели всякое отребье исповедовать и благословлять! При тебе же сказал, что любому голову оторву если...

– Так и начинайте, Владыко, прямо сейчас, – ткнулся взглядом в пол племянник.

– Так это ты?! Да как это так?! Как ты посмел? – весь "вскипел" митрополит.

– А что такого? – невозмутимо пожал плечами Димитриус, – нормальный ребёнок. Ну немного простовато одет, но ничего такого, совсем уж отвратительно нищенского, я в нём не увидел...

– И даже запаха никакого? Никакой вони от него не учуял? – со злобным шипением, приблизив своё лицо, к сыну родной сестры, как будто принюхиваясь к нему, спросил митрополит.

– Нет, – не моргнув глазом ответил молодой священник, – кругом только благоухание, Великий Праздник же...

– Ага! Вот так значит! – подпрыгнув от ярости, топнул обеими ногами о пол митрополит, – пошёл вон!!! Не ты! – ухватил за рукав отшатнувшегося от него Димитриуса, – а ты, недоумок! – вытаращив глаза затопал ногами на попятившего из роскошных покоев начальника охраны.

– Так! А теперь с тобой, засранец ты эдакий, – повернулся

к немного испуганному племяннику митрополит, – значит, категорически не хочешь при Дворе службу нести? В монастырь "настрополился"? Думаешь, раз "накосячил", мне на зло, проштрафился, то я тебя сейчас в монахи постригу и куда-нибудь, в самый дальний и захудалый монастырь, и ты там, по примеру Святых Отцов, подвизаться будешь? А вот это не видал?! – сунул жирный кукиш прямо под нос мечтательно уставившемуся в окно молодому мужчине.

– Так, где это тут у меня было, – метнулся старый, толстый монах к своему рабочему столу, – а вот! – торжествующе воскликнул порывшись в лежащих на нём свитках, – вот значит..., на рассмотрение мне..., сами никак не могут решить. Так вот. Когда то, к нашему Великому Городу прилегало богатое и благополучное предместье. Храм там, хороший был, большой, в три придела. Но, после набега сарацинского, когда и Город пострадал сильно, то и там совсем не очень... В-общем, благословляю тебя туда. Настоятелем. А то старый уже еле-еле эту ношу тянет.

– А где это? – дрогнул голос Димитриуса от захолонувшей сердце догадки.

– Нуууу, – довольный от предчувствия предстоящего эффекта, вытянул губы трубочкой "придворный" митрополит, – раньше это предместье называлось Парадиз, а сейчас, поскольку оно пришло в крайнее запустение, и к тому же, после случившегося, сразу же за набегом сарацинов, наводнения, из-за которого сейчас часть городской канализации уте-

кает туда, то... – сделал многозначительную паузу, – то сейчас эта местность называется Гурунакские болота! А что?! – торжественно вскричал дядя, видя как молодой парень покраснел от невольного гнева, – как ещё этой местности называться, если там проживают в основном свинопасы, которым вполне так удобно, в той грязи и отбросах выращивать хрюкающий скот? Ну и прочие отбросы, в смысле человеческие, там присутствуют конечно: воры, проститутки, нищие и тому подобный сброд. Эх..., приход конечно бедный, еле-еле "держится". Храм хоть и большой, но служат только в одном приделе, в левом, в Богородичном, остальное полуразрушено. Так что, дорогой мой племяш, полный простор тебе там и для Мученичества, и для Духовного Подвига!

– Или откажешься? – помолчав и понаблюдав за напряжённо разглядывающим каменный пол Димитриусом, спросил митрополит, – а имеешь полное право! Двое уже, чуть постарше тебя, отказались. Правда пришлось их из сана извергнуть, а это как ты сам понимаешь...

– На всё Воля Господа нашего Иисуса Христа, я согласен, – хрипло выдавил из себя племянник.

– Ах вот значит как?! – вновь взвился от раздражения митрополит, – ну нет! Нет, дорогой! Всё не так просто. Поскольку, по правилам, ты не можешь принять приход будучи холостым и не постриженным в монашество, то, вот тебе моё второе Благословение. Знаешь ли ты Патрицию, дочь Григория Принхоса?

– О! Нет! – взмолился было молодой парень, но увидав запрыгавших в глазах дяди, "довольных бесенят", закрыв глаза и обхватив руками поникшую голову, скукожился как будто ожидая камнепад.

– Ага! – завизжал от радости митрополит, – проняло тебя таки! Да-да-да! Сам! Лично повенчаю тебя с ней. С тварью этой, в конец избалованной и развратной. Отец от неё отрёкся, потому что, никто её замуж брать не хочет. В монастырь её нельзя, ни в коем случае, это ж, всё равно, что запустить лису в курятник! А тебе!, и туда! – будет в самый раз! Вот я и посмотрю, как ты будешь в крайней нищете, среди всякого сброда, с этой привыкшей к роскоши нахалкой Хвалу Спасителю...

– Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, – чуть не плача проговорил Димитриус.

– Ну-ну, – иронично хмыкнул митрополит, – это ты сейчас, пока ещё ничего не началось, такой смелый. А вот я на тебя на брачной церемонии посмотрю, когда над тобой все смеяться будут. Она же почти на голову выше тебя и крупнее гораздо, и старше на десять лет, – хихикнул дядя, – но это ещё полбеды! – многозначительно ткнул пальцем в потолок, – отец предупредил её, что если она посмеет убежать от того мужа, которого я ей благословлю, то она будет бита плетьюми и возвращена назад. Так что не надейся, не удастся тебе от неё избавиться... Или все-таки откажешься?... Ну, как хочешь, – подытожил глядя как распрямившийся, куса-

ющий губы племянник отрицательно качает головой.

– Ну, так и что мы имеем сейчас, спустя три года? – поёрзал жирным задом по креслу митрополит, глядя на сидящего напротив него "начальника тайной полиции".

Худой, благообразный викарий иронично улыбнулся:

– Я, Ваше Святейшество, уже сколько раз пытался Вам доложить об этом...

– Знаю! Помню! – чуть раздражённо хлопнул жирной ладонью по столу Управляющий придворной епархией, – а я, сам себе, зарок дал, что три года ничего про него знать не хочу!

– А зря, потому что, если Вы хотели Димитриуса наказать, то ситуация уже давным-давно требует Вашего вмешательства.

– В каком смысле? – встревоженно вздрогнул голос митрополита.

– В прямом, – снова усмехнулся викарий, – примерно через полгода после его назначения туда, местные власти этой части Города отремонтировали канализацию. Вообще странно, столько лет никто ничего не делал, а тут, и решение приняли, и деньги нашлись. В-общем, поскольку подсыхать там стало и свинопасы ушли оттуда, переселились за северные холмы, то и население постепенно изменилось. Всяческое отребье переехало в район городской свалки, а там, в этом предместье, хоть и не зажиточные граждане сейчас

поселились, но вполне себе такой здоровый, мастеровой народ. В основном ремесленники: плотники, кузнецы, гончары, ткачи, ну и тому подобное. Храм восстановлен. Полностью. Небогато, но чисто и аккуратно. И внутри, и снаружи...

– А Патриция? – с "затаённой надеждой", что может быть, хоть здесь "не произошло осечки", спросил дядя "удержавшегося на плаву" племянника.

– Тут совсем для Вас всё плохо, – покачал головой викарий, – дважды она убежала, и дважды её бичевали и возвращали к нему. Во второй раз, Григорий был в такой ярости, что его подручные чуть было не забили её насмерть. Он, Димитриус, её выходил. Она благим матом орала не подпуская никого, кроме него, к себе. Сейчас у них, в семье, тишь, да гладь, да Божья Благодать, второго ребёнка ждут...

– Как?! Она же! – изумленно вскричал "владыко".

– А вот так, – непонимающе пожал плечами "тайный агент", – сам в это не верю..., то есть верить не хочу, а оно так! И любит она его, до беспамятства, до безумия, до какого-то благоговения. Сам в этом убедился. Так-то, она сейчас ведёт себя как монашка, всё время взгляд от земли почти не подымает. Когда её прихожане приветствуют, то чуть глянет, чуть улыбнётся и головой кивнёт. Но, я проследил раз за ними. Она ждала его после утренней службы. Ребёнка, мальчика первенца, ему с рук на руки передала, а потом, наверное думая, что её никто не видит, так на него посмотрела, как он сына целует и ласкает!... Мне показалось, что вокруг них

огонь полыхает...

– Мне самому надо в этом убедиться, – глухо, сдавленно прохрипел подскочивший с кресла, стоящий уперев кулаки в стол, митрополит, – когда у него Престольный?... Через месяц? Ну вот и отлично. Предупреди его. Как же так Патриция меня то "подвела"? Я же хорошо помню, как она на него на венчании смотрела, с какой гадливостью, с каким презрением и отвращением, как солдат на вошь. Ничего не понимаю...

– Вот значит как, – шипел митрополит на ухо племяннику, как бы благословляя его по окончании Праздничной службы, – ты, Димитриус, думаешь, что это уже всё, что справился со всем?... Воняет здесь..., отвратно, невыносимо.

– Я ничего не чувствую, – недоумевающе пожал плечами возмужавший священник.

– Понятное дело, что не чуешь, привык уже, притерпелся, принюхался. Надо же, как ты вырос и окреп, никогда бы не подумал, что так будет, все-таки, похоже, телом ты в батю своего, он здоровый мужик был, хотя лицо у тебя материно, а вот характер! Непонятно в кого! Никого в нашей родне таких придурков не было! Мать твоя, вполне нормальная была, денежки любила больше всего на свете. Отец твой тоже, нормальный такой пьяница и блядун был, сестра всё время молилась, чтобы какие-нибудь стычки на границе происходили и кесарь его туда, вместе с солдатами. Так он и сложил буй-

ную головушку при подавлении очередного мятежа. А ты?! Ты в кого такой?

– Апостол говорит: "кто мой ученик, тот мне да последует, как я Христу", – спокойно и строго ответил Димитриус.

– Опять ты за своё! – чуть громче зашипел раздражённый митрополит, – но это ещё не всё! Ты знаешь, что я тебе ещё могу?... А это ещё что?! – ошеломлённо воскликнул глядя на припавшую к его ногам старую женщину, – мать, чего тебе?

– Владыко! Ваше Святейшество! Благословите отблагодарить Вас за то Благо, которое Вы сотворили для моей семьи! – в голос проплакала, прокричала женщина, валяясь в пыли и целуя сапоги епископа.

– Ну, ладно тебе! – самодовольно закудаhtал старик поглядывая на восхищённо загудевшую свиту, – не помню я ничего такого. Да поднимись ты уже, чего в пыли валяться? Кто я такой чтобы передо мной так? – усмехнулся в лицемерном смирении.

– Не могу! – проплакала в ответ Благословляемая, тяжело поднимаясь на ноги при помощи поддерживающих её с обеих сторон Димитриуса и викария, – сердце горит! Три года уже, как вы всю нашу семью спасли...

– О чём это ты? – настороженно, пугаясь предстоящих слов спросил митрополит.

– Три года назад, Вы в кафедральном соборе, последний раз к народу с Чашей выходили. Мой сынок, Николенька,

упросил меня, чтобы я его туда отвела. О, Боже, сколько я страху тогда натерпелась! Меня внутрь стража не пустила, а он как-то проник и из Ваших рук причастился, а потом, как он мне рассказывал, увидел он Ваш грозный взгляд и испугался, понял, что Вы прозрели на грехи его, на то, что он постоянно ропщет на нашу бедную долю, тем самым Создателя оскорбляя, и, испугавшись, потихоньку из храма убежать хотел. Но на самом выходе, его стражник за шиворот поймал. Николенька говорит, что он тогда чуть было Богу душу не отдал. А этот солдат ему и говорит, на, мол, это тебе митрополит передал, но строго настрого запретил кому-либо, кроме матери, об этом рассказывать, и подаёт ему этот кошелёк, – женщина вытащила из-за пазухи, висящий на шее, замызганный и затёртый мешочек из дорогой багряной ткани, – я его как Святыню храню, – благоговейно проговорила, не замечая что епископа передёрнуло от отвращения при мысли о том, что "святыня" болтается между иссохшими старческими грудями, – тридцать серебряных монет там было, они нас тогда Спасли, если бы не это...

– Мать, – прервал надоевшее ему восхваление, от такой ничтожной личности, митрополит, – а ты уверена, что это мой кошелёк? Что-то я не припоминаю ничего такого...

– А как же?! – вся встрепенулась старуха, – ведь Николенька упросил, умолил того стражника с ним к нам домой прийти, побоялся, как бы его не обвинили в воровстве. И я сама, своими глазами того стражника видела. Ах, какие у

него доспехи были сверкающие, дорогие! Ах, какой плащ! Разве мог такой высокородный господин, нам бедным и убогим, неправду сказать? Да и инициалы на кошельке Ваши, Ваше Святейшество! – чуть распрямив ткань, показала всем вышитые золотистыми нитями буквы.

– Да уж, инициалы мои, – прохрипел "поверженный", урождённый Илларион Хиурос, всегда до дрожи стыдившийся своей природной фамилии.

– Воистину! – восторженно воскликнул викарий, приходя на помощь совсем уже поникшему от несправедного восхваления митрополиту, – воистину сказано, "пусть левая рука твоя, не ведает какую милость сотворила правая"! – подтвердил "тайный советник" и отпустив судорожно уцепившуюся за Димитриуса, еле держащуюся на ногах после пережитого волнения старую женщину, подхватил под руку, чуть не падающего от Вселенского Страху епископа, шатающегося как идущая на задних ногах свинья, и потащил его скорей в карету, сквозь с визгом славословящую толпу.

– Да благословит Вас Христос, Царь наш Небесный! – "ударил" в спину залезающего в кибитку митрополита, возглас надоедливой старухи, – Николенька мой, сейчас на богослова учится и Вас каждодневно в молитвах поминает!

Илларион "свиноподобный" в бессилии рухнул на мягкие подушки.

P.S. На следующий день, уже ближе к полудню, келейник

Его Святейшества, встревоженный тишиной в покоях митрополита и исходящей оттуда омерзительной вонью, не решаясь в одиночку, без позволения, не то, что войти туда, а даже и постучаться, вызвал викария. Когда тот, при помощи дюжих стражников, взломал подпёртую изнутри тяжёлую дубовую дверь, то увидал висящего над, натёкшей из него, огромной омерзительной лужей, повесившегося на тонкой, ранее державшей драгоценную люстру цепи, Придворного Митрополита.